

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА,
МАРТЫНОВОЙ ЕЛЕНА ПЕТРОВНА,
о диссертации Сподиной Виктории Ивановны
**«Человек и время в угорско-самодийской картине мира
(на материалах хантов, манси и ненцев)»**,
представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук
по специальности 07.00.07 – этнография, этнология и антропология

Актуальность темы диссертации. постижение человека занимает важное место в научном познании еще со времен Древней Греции, тем не менее, интерес к этой теме не угасает до сих пор. В современном мире феноменом человека занимаются представители разных наук – философы, культурологи, психологи, медики, этнологи и др. Представления о времени также привлекают внимание исследователей, поскольку во многом служат основой для формирования мировоззренческих установок. Именно эти две составляющие картины мира и стали предметом исследования в диссертации В.И. Сподиной, выполненной на материалах по угорско-самодийским народам Северо-Западной Сибири. Актуальность своего исследования соискательница объясняет «интересом к проблеме человека как объекта существующего во времени, ее прочтению в контексте традиционных представлений» (с. 5). С этим можно согласиться и добавить, что в эпоху глобализации отмечается повышенный интерес к этнической самобытности, а, значит, и к осмыслению феноменов человека и времени в традиционном мировоззрении конкретных народов. Важным подтверждением актуальности темы служит и то обстоятельство, что культура обско-угорских и самодийских народов на протяжении многих лет находится в состоянии активного изучения представителей разных наук (этнологов, культурологов, фольклористов, лингвистов, историков), ежегодно выходит множество работ, посвященных различным проблемам их истории и культуры. Тем не менее, остается немало лакун, дискуссионных вопросов, что увеличивает значимость исследования В.И. Сподиной.

Важно отметить и методологическую составляющую актуальности темы исследования, которая обеспечена необходимостью междисциплинарного изучения традиционной культуры этнических сообществ, которая долгое время находилась в фокусе этнографического изучения, а в последние годы стала объектом пристального внимания со стороны культурологов, психологов, философов. Несомненна и

реализованная автором познавательно-просветительская актуальность раскрытия мировоззренческих аспектов культуры обских угров и ненцев.

Историографический раздел во Введении написан со вниманием к трудам ряда предшественников диссертантки по изучению духовной культуры и мировоззренческих установок аборигенов севера Западной Сибири, начиная от путешественника Н. Витсена конца XVII в. и заканчивая современными работами этнологов и лингвистов из Ханты-Мансийского автономного округа. Раздел написан в традиционном для отечественной науки подходе – по хронологическому принципу. Досоветская историография в диссертации отличается вниманием к описанию деталей в представлениях о времени и человеке (особенно отмечу анализ трудов Б. Мункачи, Ф.М. Белявского, С.К. Патканова). Работы советских этнографов представлены в общем виде, без акцентов на вклад в изучение мировоззренческих установок обско-угорских и самодийских народов, касающихся предмета исследования в диссертации. Хотя есть и исключения – детально разобраны представления о душах в работах Е.В. Переваловой, Т.А. Молдановой, Э. Руткаи, всесторонне оценен вклад З.П. Соколовой в развитие обско-угорской этнологии. На мой взгляд, труд В.М. Кулемзина «Человек и природа в верованиях хантов» (Томск, 1984) заслуживает большего внимания при анализе научной разработанности темы. Владислав Михайлович проанализировал сюжеты, напрямую связанные с вопросами, рассмотренными в диссертации В.И. Сподиной: представления о жизненных силах, о живом и неживом, о болезни, о смерти, о жизненном пути человека. И хотя его работа посвящена мировоззрению хантов, автор привлек сравнительный материал по многим другим народам Сибири, чтобы было бы полезным для соискательницы. Кроме того, было бы важно дать оценку труду В.М. Кулемзина, написанному в классическом для отечественной этнографии ключе, с точки зрения когнитивной антропологии. Историографический обзор в диссертации я не могу считать полным, т.к. по каким-то причинам вне поля зрения автора оказались работы конца XIX в. (В.В. Бартенева, В.Г. Павловского и др.), содержащие интересные и ценные для осмысления темы наблюдения о характере остяков, вогулов, представлениях о грехе, загробной жизни. Напрасно автор обошла стороной фундаментальный труд И.Н. Гемуева, напрямую связанный с мировоззрением манси, а также том «Народы Западной Сибири» из серии «Народы и культуры». В то же время, я допускаю, что соискательница

анализировала вклад своих предшественников в разработку темы с иных позиций и потому осмыслить поднятые в диссертации вопросы ей помогли другие работы.

Источниковая база исследования В.И. Сподиной включает полевые материалы автора, данные фольклора и лингвистики. Полевые материалы собирались на протяжении довольно длительного периода времени, начиная с 1988 г., среди разных групп хантов (преимущественно носителей восточных диалектов) и лесных ненцев. Особо следует отметить привлечение соискательницей в качестве специфического вида источников устных сообщений научных сотрудников Обско-угорского института прикладных исследований и разработок, являющихся носителями этнических языков. Судя по тексту диссертации, такие сообщения послужили экспертной оценкой данных других информантов и помогли не только заполнить многие лакуны в связи с отсутствием экспедиций к некоторым локальным группам обских угров (прежде всего манси, тундровым ненцам), но и повысить информативность полевых материалов и фольклорных текстов. В диссертации привлекались данные преимущественно из фольклора ненцев, собранные и опубликованные Л.В. Хомич, Л.А. Ларом и Е.Т. Пушкаревой, а также записи песен лесных ненцев, сделанные автором работы. Отсутствие полевых материалов по тундровым ненцам компенсируется широким использованием в тексте данных их фольклора. Во всех разделах диссертации автор опирается на данные лингвистики, почерпнутые из словарей, что позволило ей рассуждать об этимологии слов, относящихся к теме исследования. В целом можно резюмировать, что имеющаяся в распоряжении В.И. Сподиной источниковая база оказалась достаточной для решения поставленных задач.

Методологической базой исследования стала когнитивная антропология, зарождение и развитие которой связано с исследованием «образов мира» в различных этнических (культурных) традициях. Автор отталкивается от того, что в культуре хантов, манси и ненцев символические значения тела, времени, системы восприятия, мышление, поведение отличаются, причем не только на уровне народов в целом, но и отдельных локальных групп. В диссертации прослеживается стремление автора описать феномены человека и времени через этнические языки, понять, как представители этих народов воспринимают и переживают окружающий мир. Такая позиция предопределила опору на данные лингвистики, которые

широко используются в тексте диссертации для характеристики мировоззренческих установок и познавательных процессов. Достоинством работы является намерение описать феномены человека и времени как бы изнутри, с позиций представителей народов. Когнитивно-антропологический дискурс определил междисциплинарный характер исследования, выполненного на стыке культурологии, лингвистики, этнологии, психологии. В качестве конкретных методов анализа диссертантка, как отмечено во введении к работе, использовала сравнительно-исторический, типологический, интерпретационный, функциональной семантики, анализа словарных дефиниций и ряд других лингвистических методов. В автореферате диссертации указано только 4 метода исследования, по непонятным причинам, методы лингвистического анализа не нашли в нем отражения. Нужно отметить, что с позиций когнитивной антропологии традиционная картина мира обских угров и ненцев прежде не изучалась, этим во многом определяется новизна диссертационной работы В.И. Сподиной.

Структура диссертации построена по проблемному принципу, что позволяет представить многоплановое и вместе с тем объединенное общим замыслом исследование. Работа состоит из введения, пяти глав, разделенных на параграфы, заключения и приложений. Автор диссертации четко сформулировала объект исследования, каковым является традиционное мировоззрение (с. 26). В качестве предмета обстоятельного изучения диссертанткой выбран концептуальный Человек и концептуальное время с позиций синтеза духовного и телесного (с. 26). В рамках поставленных задач автору удалось создать многоплановую характеристику человека как носителя целостной системы символов в традиционной картине мира обских угров и ненцев, дать разноплановую характеристику категории времени в их традиционной культуре.

Первая глава работы «Телесный «Я-образ» как носитель символических значений» посвящена рассмотрению тела человека в традиционных представлениях обских угров и ненцев. Ее центральной идеей является тезис о том, что человеческое тело – это носитель множества символических значений. В основу анализа сущности феномена человека положена «стратиграфическая» концепция К. Гирца, следуя которой, В.И. Сподина начинает «разбор» тела с биологического уровня, последовательно описывая представления разных групп хантов, манси, ненцев о топографии

тела, анатомии, кожных покровов, физиологии (репродуктивная, пищеварительная, выделительная системы). Уже в первой главе диссертации прослеживается определенный автором алгоритм изложения материала. Сначала указываются философские и культурологические подходы к анализу того или иного объекта (кожи, крови, органа человеческого тела), объясняется понятийный аппарат, затем приводятся многочисленные термины из обско-угорских и самодийских языков, употребляемые среди разных локальных групп по отношению к той или иной части тела, скелета или человеческого органа. Такой единый принцип описания делает работу логически выдержанной и придает ей целостный характер.

Первая глава, наряду с многочисленными данными из этнолингвистики, насыщена полевыми материалами автора. В ней раскрывается символическое значение кожных покровов, волос, костей скелета в мировоззрении обских угров и самодийцев. Для интерпретации привлекаются данные фольклора, обрядовой практики. Интересны наблюдения автора об аномалиях тела, причиной которых коренные народы считают действия потусторонних сил – злых духов (с. 69-71). Автор приходит к вполне обоснованному выводу, что кровь и сердце рассматривались обскими уграми и ненцами как сосредоточие души-жизни человека (с. 133).

Во второй главе «Когнитивный «Я-образ» в контексте формирования темпорального сознания обских угров и самодийцев» основное внимание уделяется анализу роли зрения, слуха, речи, вкусовых и кожных ощущений в осмыслении окружающего мира. После рассмотрения познавательных процессов с позиций физиологии и философии (с. 135-136) автор обращается к анализу зрительных, вкусовых, слуховых, обонятельных и осязательных ощущений у хантов, манси, ненцев. В работе приводится детализация разных видов ощущений на основе материалов этнолингвистики и фольклора. Особое внимание в этой главе уделено рассмотрению болевых ощущений: по интенсивности (с. 148-149), частоте и субъективным ощущениям (с. 150-152), локализации (с. 153-154). Изучение ощущений болевых восприятий позволило автору впервые построить вербально-цветовую шкалу интенсивности боли у хантов, манси и лесных ненцев. В сюжете о мышлении автор выдвигает интересную мысль о том, что в традиционной культуре разграничиваются природные умственные способности человека, такие как

умение мыслить, слушать, понимать, рассуждать и приобретенные в ходе образования (с. 176).

Третья глава работы «Поведенческий компонент нормативного «Я-образа» начинается с рассмотрения философских категорий Добра и Зла, затем анализируются их проявление в этническом сознании обско-угорских и самодийских народов. При анализе нормативных представлений в угро-самодийской традиции автор во многом основывается на работах об этикете и морали Б.Х. Бгажнокова. По ее мнению, зло связано с понятием табу в аборигенной культуре, в которой нарушение запретов считалось большим грехом (с. 188). Как и другие исследователи коренных народов Северо-Западной Сибири, она обращает внимание на то обстоятельство, что понятие Добра связано с богами Верхнего мира, а Зла – с Нижними духами (с. 193). В этой же главе анализу подвергаются черты характера человека. Автор показала, что доминантными качествами являются доброта и доброжелательность, повседневной нормой поведения является вежливость (с. 197-198). В работе даны разнообразные характеристики трудолюбивого человека с позиций манси, хантов, ненцев. Особо подчеркивается высокая оценка трудолюбия и мастерства в традиционных представлениях (с. 221, 225). Указано, что народный фольклор связывает труд с благополучием и достатком (с. 223). Особое внимание в диссертации уделяется неоднозначности понятия «вещь» в культурной традиции обских угров и ненцев, говорится об особенностях отношения к вещи со стороны мужчины и женщины.

Большой интерес вызывают сюжеты, рассказывающие об этнических стереотипах поведения людей в этноконтактных зонах (с.244-246). Автор приводит свидетельства различий в повседневных хозяйственных практиках лесных ненцев и хантов: разные способы приручения оленей, забоя животных, а также этнические особенности ориентации в пространстве. Внимание автора к деталям позволило ей заметить различия в покрое пологов (с. 247) во внешнем виде хантыйского и ненецкого топора (с. 248), в гостевом этикете, повседневных привычках (с. 249).

В заключительном параграфе этой главы автор подходит к актуальному в наши дни вопросу о контактах между коренным и пришлым, преимущественно русским, населением. Приводится очень интересное наблюдение об образе русских, ассоциирующихся с властью, атрибутом которой у хантов выступает шапка. Однако непонятно, что имеет в виду В.И.

Сподина, когда пишет: «Аганские ханты, которые были ближе к советской власти, считали себя «русскими». Также осознавали себя и ненцы». Принимая распространенное в этнологической литературе социальное разделение аборигенов Севера на таежных/тундровых, поселковых и городских, автор обращает внимание на то, что «живущие в лесу» сохраняют традиции, а поселковые и городские группы, оторвавшиеся от традиционной культуры, сравниваются с русскими и не воспринимаются как «настоящие» аборигены. Изложенные данные позволяют согласиться с выводом о влиянии полиэтнического окружения на этнический «Я-образ», «размывании консервативной этнической стратегии и формировании современного вектора действий с преобладанием бикультурных компетенций при доминировании принадлежности к своему этносу» (с. 257).

Две заключительные главы диссертации В.И. Сподиной посвящены анализу феномена времени в обско-угорской и самодийской картинах мира. В IV главе «Категория времени в традиционной культуре» внимание акцентируется на особенностях восприятия времени в разных этнических культурах. В ходе анализа автор приходит к выводу, что «для обско-угорских и самодийских народов время определяется последовательностью событий и природных явлений» (с.271). На мой взгляд, такое понимание времени является универсальным. Вряд ли можно встретить народ, в календаре которого не было бы указаний на фенологические явления. Вызывает сомнения и некоторые другие выявленные автором особенности: отсутствие потребности в счислении времени, что проявляется, например, в использовании неопределённо-количественной формы числительных; антропоморфизация понятия «время» (с. 271). Сейчас нередко можно услышать, что «у меня мало времени», «мне нужно много времени для выполнения этой работы». Также широко употребляются выражения «пришло время», «время вышло» и т.п. В.И. Сподина обращает внимание на многообразие форм прошедшего времени в традиционном мировоззрении (с. 271-272). Жаль, что эта особенность констатируется, но не объясняется.

Внимание к деталям прослеживается у автора при рассмотрении различных временных отрезков. Соответствующий параграф диссертации насыщен данными этнолингвистики. Нельзя не согласиться с автором в выделении двух поведенческих циклов в хронометрии суток: один из них связан с приготовлением пищи, другой – с наблюдением за солнцем и звездами. Специальный раздел диссертации посвящен анализу календаря

обско-угорских и самодийских народов. В.И. Сподина обратилась к этому сюжету после ряда известных исследователей, тем не менее, смогла ввести в научный оборот новые материалы и систематизировать все имеющиеся в ее распоряжении данные, распределив месяцы по 5 группам.

В отдельном параграфе рассматривается «биологическое время», под которым понимаются этапы жизни человека. На основе языковых и этнографических материалов приводятся данные о градации возраста людей по различным критериям – социальному, пространственно-временному, предметному, биологическому. Последний раздел главы посвящен сакральному (магико-религиозному) времени. В работе рассмотрены такие его свойства как цикличность, инверсность, символизм, антропоморфизация, перцептуальность, прерывистость, мистицизм. В этом разделе автором привлекаются этнографические сведения по обрядовой практике угорских и самодийских народов. Завершая анализ категории времени, В.И. Сподина приходит к аргументированному выводу о том, что в традиционной культуре события разворачиваются, как правило, в нескольких измерениях: циклического природного и циклического магико-религиозного, линейного природного и линейного биологического времени (с.344).

В заключительной главе диссертации рассматриваются представления о регенерации времени. Автор анализирует представления о смерти, исходя из данных этнолингвистики, при этом обращается внимание на обширность терминологии в языках обско-угорских и самодийских народов, связанной с понятием «смерть». Поскольку для традиционного мировоззрения характерны представления о реинкарнации души, в диссертационной работе рассматриваются разные варианты превращений душ умерших.

Диссертантка завершает свое исследование анализом представлений обских угров и самодийцев об Апокалипсисе. Такая формулировка вопроса является новой для этнологии этих народов. В разделе рассматриваются представления о периодизации истории человечества и о конце света как «потопе». Автором привлекаются не только данные языков, но и эпоса, мифологии. В.И. Сподина приводит свидетельства, что в современной ситуации рождаются представления о Неоапокалипсисе, причиной появления которых являются пессимистические настроения в обществе, во многом вызванные интенсивным промышленным освоением территорий проживания и хозяйственной деятельности коренных народов Севера.

За тематическими главами следует заключение, на страницах которого

автор подводит итоги работы, формулирует основные выводы и, что важно, намечает перспективу дальнейших исследований. Диссертацию завершает список источников и литературы, приложения.

Несомненна научно-практическая значимость исследования В.И. Сподиной, причем не только в плане расширения базы для проведения дальнейшего антропологического анализа феноменов этнической культуры обских угров и самодийцев, но и, как минимум, в психолого-педагогическом, культурологическом и музееведческом аспектах.

Позитивно оценивая проделанную В.И. Сподиной работу, хотелось бы обратить внимание на ряд недостатков и высказать некоторые общие замечания и пожелания.

1. Формулировка конкретных исследовательских задач не всегда последовательна. Из одиннадцати поставленных автором задач, восемь не связаны с изучением традиционного мировоззрения обских угров и ненцев (с. 23-24), т.е. подразумевают изучение разных аспектов тематики человека и времени вообще. Например, «обозначить гендерные аспекты отношений человека к труду в типологии индивидуальных временных концепций», «провести анализ стратификации возрастных периодов как особых стадий биологического времени». Одна задача нацелена на раскрытие ценностного императива поведенческих характеристик сквозь призму моральных принципов, сложившихся в нравственном опыте **хантов, манси и ненцев** (с. 24). Еще одна – на описание этнодифференцирующих признаков традиционной культуры только у групп **лесных ненцев и аганских хантов** (с. 24). Наконец, еще одна предполагает систематизацию соматических представлений **обских угров и самодийцев** (к последним, кроме ненцев относятся селькупы, энцы, нганасаны). Если для анализа мировоззренческих представлений хантов, манси и ненцев о человеке и времени необходимо исследование общефилософских категорий, то это требует особого обоснования. Нуждается в пояснении и то, почему этнокультурные особенности рассматривается только у одной локальной группы хантов и одной территориальной группе ненцев (раздел 3.5.1). Или это означает, что представители других этнических групп не имеют этнодифференцирующих признаков?

2. Логика диссертационного исследования выглядела бы более явно, если бы каждой из задач соответствовал отдельный параграф как структурно-логическая единица. Главы диссертации неравноценны: в них разное число

параграфов (от двух до пяти), часть параграфов разделена на подпункты, часть – нет.

3. Один из парадоксов работы В.И. Сподиной, на мой взгляд, заключается в том, что, разносторонне изучив категорию времени, выявив разные его определители и виды у обских угров и ненцев, она, не уделила внимания изменениям представлений о человеке и времени в их традиционном мировоззрении в историческом развитии. При обосновании хронологических рамок исследования В.И. Сподина обращает внимание на то, что уже в XIX в. традиционное мировоззрение изучаемых ее народов подверглось трансформации под влиянием развития в рамках Российского государства и под влиянием иноэтничных культур (с. 53). Подобная мысль приведена и в заключительной части главы III, в которой обращается внимание на изменения в содержании этнического «Я-образа» хантов и ненцев. В остальных главах диссертации ничего не говорится об изменениях представлений о человеке у изучаемых народов во времени. Между тем в традиционном мировоззрении они происходили под воздействием разных факторов – контактов с русским населением (восточные манси и южные ханты в значительной степени отошли от традиционной культуры и обрусели уже к концу XIX столетия), христианизации. О влиянии христианства на традиционные верования обских угров и других народов Сибири писали многие исследователи. В связи с затронутыми в диссертации вопросами на этой проблеме стоит заострить внимание. В.М. Кулемзиным выдвигалось предположение, что формирование образа Торума как верховного небесного бога происходило под значительным воздействием христианства. Оказало ли оно влияние на традиционные нормы морали и нравственные качества хантов, ненцев? Изменились ли их представления о душе-жизненной силе, о смерти и времени?

4. В диссертации не рассматриваются вопросы о влиянии трансформаций XX в., обусловленных социалистическими преобразованиями и утверждением советского образа жизни у коренных народов Севера. На протяжении десятков лет происходили динамичные изменения в социальных отношениях, трудовой деятельности (отстранение значительной части коренного населения от традиционных охоты, рыболовства, оленеводства). Эти обстоятельства не могли не сказаться на формировании новых стереотипов отношения к труду, иных норм поведения, представлениях о времени. В тексте приводятся сведения авторов XVIII-XIX вв., однако

сравнительного анализа их с более поздними свидетельствами нет. Автор обошла стороной и то обстоятельство, что за более чем 20-летний период проведения полевых исследований произошли существенные модификации в образе жизни, культуре аборигенных народов, в том числе и духовной, которые тем или иным образом сказались на представлениях о человеке и времени. Исключением являются раздел работы, в которой рассмотрены новые мифы о грядущей катастрофе - Неоапокалипсисе.

5. В работе не поднимается вопрос о генезисе специфических мировоззренческих представлений о человеке и времени у обских угров и самодийцев, анализ которых лежит в основе исследования. Конечно, о какой-либо, даже приблизительной, хронологической привязке зарождения тех или иных конкретных взглядов на окружающий мир, людей и время вряд ли можно вести речь. Но подумать о том, как формировались общие мировоззренческие установки в картине мира, какие факторы на них влияли, видимо, стоило. Определенные наработки в контексте генезиса культурных традиций у угров и самодийцев Северо-Западной Сибири имеются в отечественной историографии. Можно упомянуть том «Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Мир реальный и потусторонний», одна из глав которого посвящена генезису традиций.

6. В работе почти не привлекается сравнительный материал по традиционной картине мира у других народов Сибири. Думаю, что компаративный подход позволил бы установить общие и особенные черты как в традиционной картине мира исследуемых народов, так и в более частных представлениях о человеке и времени.

В целом, диссертация В.И. Сподиной заслуживает положительной оценки как междисциплинарное исследование, основанное на большом фактическом материале. Указанные в отзыве замечания не умаляют общего научно-теоретического уровня диссертационного исследования. Работа демонстрирует наличие у автора самостоятельного подхода к теме. Текст диссертации свидетельствует о хорошей профессиональной подготовке соискателя, умении ставить и решать сложные исследовательские задачи. Основные обобщения и выводы, сделанные соискателем, органично вытекают из собранных и интерпретированных автором данных этнолингвистики и фольклора, полевых материалов.

Диссертации В.И. Сподиной «Человек и время в угорско-самодийской картине мира (на материалах хантов, манси и ненцев)» является

завершенной, имеющей внутреннее единство работой, в которой в соответствии с п. 9 Положения о присуждении ученых степеней, содержится решение крупной исследовательской проблемы, имеющей важное значение для понимания традиционного мировоззрения обских угров и ненцев. Диссертация содержит новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты, что свидетельствует о личном вкладе автора в науку. Автореферат отражает основное содержание диссертации. Материалы и выводы получили полное отражение в опубликованных печатных трудах. Большинство положений работы апробировано в ходе выступлений на международных, всероссийских и региональных конференциях и семинарах. Рецензируемая работа соответствует критериям на соискание ученой степени доктора наук, а ее автор, Сподина Виктория Ивановна, заслуживает присвоения ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.07 – этнография, этнология и антропология.

Официальный оппонент
Мартынова Елена Петровна,
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории и археологии
Тульского государственного педагогического
университета им. Л.Н. Толстого

300026 г. Тула, пр-т Ленина, 125

Телефон: (4872)35 14 88

E-mail kir.tspu@mail.ru

5 апреля 2018 г.

С.М.Ж

Подпись *С.М.Ж*
заверяю. Начальник отдела
делопроизводства и связи
Б.И.И